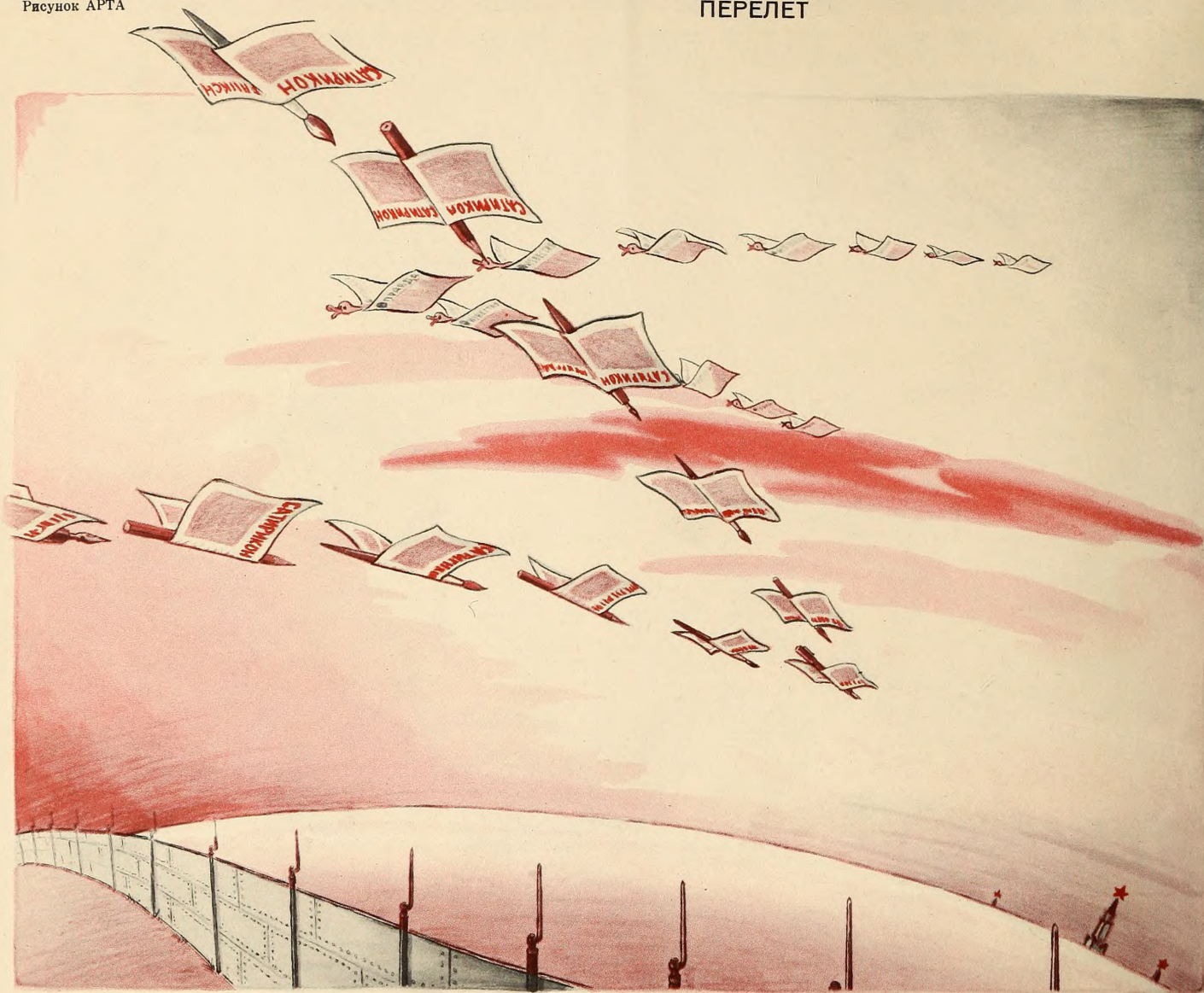

— Ну, вот и мы, папаша, заимели водородную бомбу.
— Водород нам ни к чему. Нам бы, сынок, кислорода побольше. Дышать нечем!

Сатириконт

SATIRIKON
№ 25 1953
ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ

На запад — утки из «Правды», на восток — правда из «Сатирикона»

Господа! Вы держите в руках двадцать пятый номер «Сатирикона». Журналу, так сказать, исполнилось двадцать пять лет. Этим я не хочу сказать, что мы выпускали ровно по одному номеру в год. Случалось, что мы выходили и чаще. Но каждый номер для журнала — то же, что год жизни для человека.

Нужно сознаться, что за два года своего существования «Сатирикон», действительно окреп и возмужал. Это заметно, прежде всего, по сотрудникам редакции. Многие из них ведут себя уже совершенно, как взрослые. Но то же самое заметно и со стороны. Читатель, вероятно, обратил внимание на тот факт, что почти в каждом номере журнала появляются имена новых сотрудников. Взять, хотя бы, этот номер. Котляревский, Мельников, Обух — три новых, талантливых художника. Правда, Котляревский — это не тот Котляревский, который написал «Энеиду». Но тоже, как говорится, «парубок моторный». Мельников это, опять-таки, не Мельников-Печерский, но, как художник-карикатурист, не уступает последнему. Что же касается Обуха, то скажем прямо: этим Обухом мы еще не раз ударим по голове коммунизма!

Говоря без шуток, ряды наши значительно пополнились и продолжают пополняться. Кроме того, у нас уже «отстоялись» кадры — так сказать, золотой фонд «Сатирикона». Это люди, в которых мы уверены, о которых знаем, что они могут.

Мы чувствуем в себе достаточно сил для крупного начинания, для решительного шага. И мы этот шаг делаем.

«Сатирикон» уходит за железный занавес.

Когда повзрослевший юноша идет на фронт, он сменяет свою студенческую форму на походную. Меняет свою форму и «Сатирикон». Хотя в пресловутом занавесе некоторые же-

лезные листы порядком уже поотстали, все же, чтобы пролезть «на ту сторону» журналу придется уменьшить свой формат и объем. На линии фронта приходится быть поворотливым и увертливым, а для этого нужно спустить лишний жирок!

Осень — плодотворное время, время творческих замыслов, время далеких странствий. В эту пору птицы бросают свое тело в холодный, бодрящий воздух, чтобы, резко взмахнув крыльями, сделать гигантский прыжок на юг.

Мы делаем прыжок на восток. Проникая в прорывы, прорези, щели советской системы, всюду, куда только можно проникнуть, мы будем колоть, язвить и жечь коммунизм в тот бок, которым он к нам повернется.

Но я чувствую, что на глазах у нашего читателя уже навертываются слезы, вызванные неожиданной разлукой. Эти слезы можно, не теряя времени, утереть. Дело в том, что мы вовсе не скрываемся с «западного горизонта». Работая отныне целиком и всецело для «той стороны», мы, в то же время, будем попрежнему рассылать журнал нашим западным читателям, разумеется, если они этого захотят (в чем мы не сомневаемся). При этом обращаем внимание читателей на отрадный факт: несмотря на уменьшение объема и формата нашего издания, они смогут получать его по прежней цене.

Итак, в жизни «Сатирикона» наступает крупный перелом. Мы решительно вступаем на уже разведанную стезю. Вступаем мы на нее под прежними «сатириконовскими» девизами. Наш боевой клич:

Юмористы-антикоммунисты всех стран — соединитесь!

Коммунизм — присатирикончим!

Нас приветствуют

Маяковский поздравляет:

Чтобы опять —
двадцать пять!

Двадцать пять —
это вам не плевая дата.
Двадцать пять зарядов свинца
коммунизму в лоб.
Вы думаете
Маяковского нет?
А я
с вами,
ребята,
Качаюсь
на облаке
и желаю вам,
чтоб —
Скинули коммунизм
с корабля современности!
С «ка»
куда-нибудь подальше,
на «ы», или «ща».
Давно пора
переоценить марксистские ценности,
Марксистскую грязь
с каблучков счищать.
Вы еще недавно
курили сигаретные «кончики»,
И я
из небытия
наблюдал ваш у-ди-ви-тель-ный рост,
И радовался,
что совсем маленькие «сатирикончики»
Большому «крокодилу»
сыпят перцу под хвост.
Сыпьте дальше!
Хоть не сдох
он еще,
Но скоро сдохнет,
как ни крутись.
Шагай
вперед
за народ,
товарищ «сатириконнице»!
Долой
марксобесие!
Да здравствует
настоящий
демократизм!

Передал А. ПЕРФИЛЬЕВ

ОТ РЕДАКЦИИ: Шагаем, Владимир Владимирович!
Вот уже через „железный занавес“ перешагнули!

Немецкие коммунисты сообщили «Правде» о «грандиозном успехе» Макса Раймана, выступавшего в зап. Германии.

— Перед митингом Макс дал нам по такой бутылочке. Вот мне и показалось, что присутствовало не семьдесят, а семьдесят тысяч человек...

Рисунок К. КОТЛЯРЕВСКОГО

ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ

Вдвоем изучили ваше издание и не нашли в нем революционных идей, движущих человечество вперед. „Сатирикон“ не может идти в сравнение с „Коммунистическим манифестом“!

К. Маркс и Ф. Энгельс

Примеч. ред.: Это что и говорить! „Коммунистический манифест“ куда смешнее!

Поздравляю! Предлагаю открыть в журнале „страничку сатиры и юмора“

Неизвестный доброжелатель

Примеч. ред.: Считаю подобное замечание некорректным.

„Сатирикону“ привет!

В моей пирамиде журнал пользуется большой любовью. Читая последний номер все мумии очень смеялись. Меня лично особенно трогает то обстоятельство, что некоторые шутки, приводимые в вашем издании, я слышал еще в детстве, от моего покойного отца Тутанхамона I. Кстати, последняя новость: Псамметих XII умер!

Готовый к услугам
фараон Тутанхамон

Примеч. ред.: Благодарим г-на Тутанхамона за милое письмо. Мадам Псамметих редакция выражает соболезнование.

Я и мои друзья с отвращением читаем ваш грязный листок. Неужели вы думаете, что мы поверим вашей гнусной клевете на самую передовую страну в мире? Уж не считаете ли вы нас за круглых идиотов?

Жолио Кюри

Примеч. ред.: Почему же за круглых? Наблюдения показывают, что идиоты бывают различной формы.

Милостивые Государи!

До меня дошли слухи, что Ваша уважаемая фирма выпускает синдетикон. Так как я, ввиду моего преклонного возраста, развлекаюсь изготовлением елочных украшений, то имею в синдетиконе большую надобность. Посему не откажите выслать мне на пробу несколько тюбиков.

С совершеннейшим к Вам уважением

Пульхерия Пузикова

Примеч. ред.: Явное недоразумение! Из того, что дело у нас клеится, вовсе не следует, что мы делаем клей!

Браво! Подыдем бокалы, содвинем их разом! При сей радостной okazji незамедлительно сочинил экспромт:

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Иль выхожу я на балкон,
Сижу ль меж юношей безумных, —
В руке моей — „Сатирикон“!

Александр Пушкин

Примеч. ред.: Интеллигентного человека за версту видно. „Сдвинем бокалы“, а? Никакой такой неприятной сухости в нем нет!

НА ОСЕННЕЙ ДОРОГЕ

К тридцать шестой годовщине „октябрьской революции“

Джип легко взял поворот и мягко покатил по ночному венскому Пратеру. В машине сидело четверо. Четыре сержанта оккупационных войск: англичанин, американец, француз и русский. Дежурство только что началось. Надо было знакомиться. Первым заговорил француз.

— Я считаю тот день прожитым зря, когда я хорошо не посмеялся, — сказал он, не обращая ни к кому в отдельности.

— О'кей! — подхватил американец. — Наш президент Айк разделяет ваше мнение. Он всегда смеется. У хорошего человека должно быть отличное настроение.

— Олл райт — сказал англичанин.

Русский молчал.

— Говорят, что самая неразговорчивая нация в мире — англичане, — заметил француз.

— О'кей! — подхватил американец. — Но самый неразговорчивый человек в мире находится, все-же, в Соединенных Штатах. Он живет в лесах Монтаны и говорит только четыре слова в сутки.

— Олл райт — сказал англичанин.

Русский молчал.

— По моему самый неразговорчивый человек в мире находится не в Америке, а в нашем джипе. И это наш русский товарищ, — воскликнул француз. — Теперь, когда вы побили мировой рекорд молчаливости, месье товарищ, может быть, вы объясните нам причину вашей замкнутости? — обратился француз к русскому сержанту. — Разве в Советском Союзе люди не разговаривают? Разве у вас никогда не смеются?

— Почему не смеются? Смеются, — хмуро отозвался русский.

— Bravo! У вас чудный баритон. Вы, наверное, хорошо поете!

— О'кей! Сам Айк не мог бы сказать лучше.

— Олл райт.

— Я сейчас поверну в тихую улицу, а вы расскажете нам, как смеются у вас. Посмеемся вместе, а там наступит рассвет

и дежурство наше придет к концу. Мы отлично скоротаем время. Говорят, что «время-деньги» — американская по-

говорка. Правда это?

— О'кей. Но сейчас я не американец, а солдат. Вы тоже не француз, вы не англичанин, а вы не русский. Мы солдаты.

— Олл райт.

— Что-ж, — сказал русский, — имеется вопрос в порядке ведения. Кому из вас известно, что такое Беломорканал?

— Беломорканал? Шарман! Я знаю даже два Беломора. Во-первых, это прекрасные русские папиросы. Во-вторых, действительно канал. Он соединяет два каких-то моря, где-то там, в Арктике.

— О'кей! Я тоже курил Беломор. Отличные папиросы. Это была, наверное, адская работа прокопать такую канаву в тех условиях. Парни наверное здорово ругались, и я их понимаю.

— Олл райт.

— Вот я и говорю. Его копали не только парни. Там были девушки тоже. Много девушек. Его построили парни и девушки, которые позволили себе перед тем немного посмеяться над нашими порядками. Понятно, или нет?

Некоторое время стояла тишина. Три иностранных сержанта размышляли. Потом француз протяжно свистнул и сказал:

— Хотя смеяться тут нечему, я, все-же, не считаю сегодняшний день прожитым зря. Кое-чему я научился. Я рассказываю это во Франции. Руку товарищ!

— О'кей! Старина! — подхватил американец, стискивая руку русскому сержанту. — На следующих выборах вы непременно должны забаллотировать своего президента!

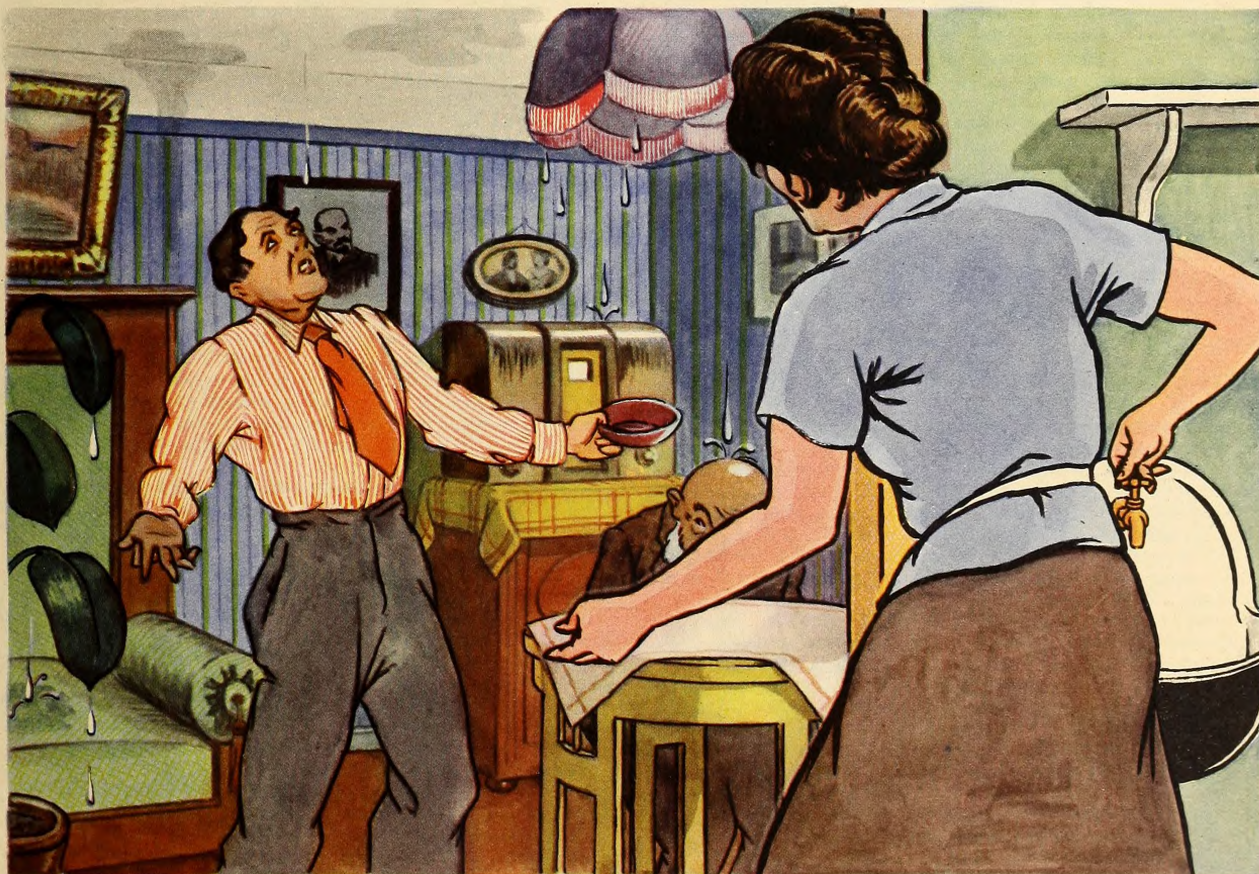
— Олл райт, — согласился англичанин.

Джип в последний раз промчался по Пратеру и скрылся в предрассветном тумане.

Софья Бах

Рисунок ТИТА

КВАРТИРА СТАХАНОВЦА

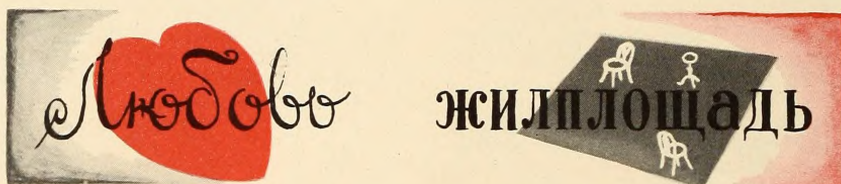
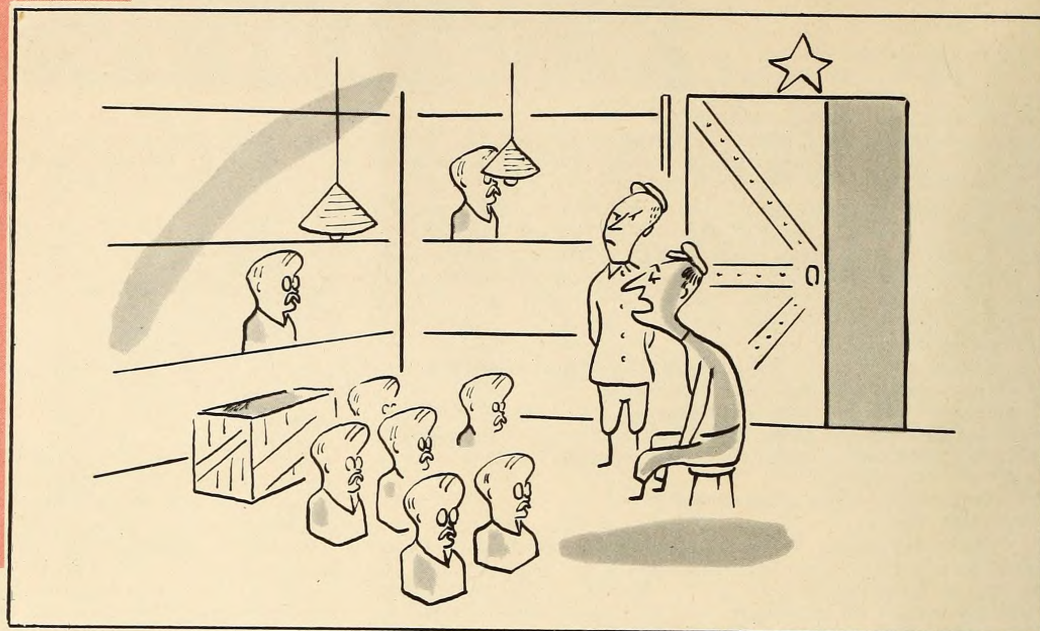

— Маня! Отовсюду течет!

— Нет, Петя. Я нашла место, из которого не течет.

МУКИ ТВОРЧЕСТВА

— Сперва я вылепил десять бюстов Сталина. Когда бюсты были готовы, Сталин тоже был готов. Затем я вылепил двадцать бюстов Берия. Когда бюсты были кончены, с Берия было тоже кончено. Теперь я вылепил тридцать бюстов Молотова. Боюсь, как бы и он меня не подвел...

Днями Варвара Николаевна что-то шила, кому-то стирала, а по ночам думки думала, да слезами горькими себя омывала. Так вот, сидит как-то Варвара Николаевна за своим шитьем и сквозь тоску поет какой-то жалобно-пагубный романс. Только в это время вползает милиционер и говорит с дисциплиной в голосе:

— Гражданочка, кончайте свои частушки и ищите себе другую квартиру. Эту займет другая персональная личность. Вот, читайте, ежели грамотность имеете, и роспись положите.

Варвара Николаевна прочла и ахнула из самой глубины своей маломощной фигуры. А милиционер говорит:

— Завтра в пять часов дня прибудет новый пассажир, а вы должны исчезнуть по собственному желанию, иначе будем производить насилие. Слезы все не расходуите — они еще вам пригодятся.

Сказал, козырнул, и вышел сержантской походкой.

Варвара Николаевна вскопчила, в нервном порядке накинула шаль, и, выпорхнув в коридор, выкинула сердечный припадок. Ее сразу окружили советские соседки и вскоре направили в лечебную амбулаторию, которая процветала тут рядом, на площади имени «Вечная Память Лично Товарищу Сталину».

Симпатичный доктор оказался мужского характера, пожилого масштаба.

Варвара Николаевна рассказала все очень популярно, а после слов, что «она осталась на улице без всякого прикрытия с воздуха», крупно захлопала ресницами и вскоре ударилась в новое обомление. Доктор без всякой паники взял ее малоощутительную фигуру, положил на облезлый диван, дал ей валерьяновых жидкостей, после чего она глыбоко задремала, а доктор — сам вдруг пришел в непредвиденное бытовое раздражение, начал оживленно маршировать по кабинету и издавать антинародные звуки:

— Варвары, — говорит, — прогрессивные! Изверги народно-демократические! Горем и нуждой заполнили наш быт!

А сам бухнулся на стул, задрогал плечами и в оба глаза зарыдал. Варвара Николаевна быстро оживилась после такой аварии, накапала доктору, в свою очередь, капель, дала запить водой, дунула в его страдальческое лицо освежительного воздуха, уложила на свое место, а сама села рядом с его интеллигентной фигурой. Им обоим стало приятно на все сто процентов.

— Спасибо, сестричка, — говорит он ей, — за ваши родительские заботы о советской медицине. — А руку ее все держит, малость поглаживая.

— Это я разладила ваши амбулаторные темпы до упомоща, — тихо шепчет Варвара Николаевна.

— Какое там вы?! У меня самолично, — говорит, горя на целое море. Меня завтра тоже из старой квартиры вывезут под чистую в какую-то новую хорому. А в мою размещают какую-

то новую должность, которая именуется ДКСО или: «Директор Конторы Социалистических Отходов». Так что, — говорит, — на завтрашний день, нас одна судьба захватила на идейном фронте... А тут еще пятнадцать годков одиночества таскаю...

— Я тоже в одиночестве по жизни шагаю, — с жуткой унылостью сказала Варвара Николаевна, потом оба жалостно вздохнули. На дворе начинало помаленьку смеркаться. Потом Варвара Николаевна, все-таки, вспорхнула и сказала, что ее время давно истекло. Доктор скатился со своей лежанки и сказал: «Идемте вместе». И они на пару вышли на улицу.

— Вместе бы нам огнездиться как-нибудь, Варвара Николаевна, — загнул доктор.

— Вместе огнездиться, а где? Если мы оба лишены квартирной территории. Прошайте. — Варвара Николаевна повернулась и с растерзанным сердцем зашагала вперед. Доктор, с ураганом в груди, отправился на лечение советских граждан.

На другой день Варвара Николаевна целый день делала всякие пакунки из своих вещей, сложила их под сараем, а потом аккуратно оделась и решила идти на розыски своего нового места в пролетарском отечестве. А тут грузовик подкатил с вещами, на них сверху неопределенная фигура. Варвара Николаевна присмотрелась, ахнула и застыла: в той фигуре обозначился вчерашний доктор. Он спрыгнул на сырую землю и с милиционером — прямо в комнату вдовы, а по выходе доктор заметил в отдалении приятную даму, продрал глаза и вскрикнул с припрыжкой: «Варвара Николаевна! И вы здесь!».

— Здесь, освободила вашу комнату, убрала, занимайте и живите хоть до самого полного коммунизма, — с ехидным перцем отпала она ему. А он стоит с ошарашенным обалдением. Она ему опять:

— Отчего же, — говорит, — вы мне вчера не сказали, что у вас маршрут на мои объекты? Зачем вы меня обманули?!

— Я вас обманывал?! Это даже унизительно слушать... Я еще вчера вам убедительно сказал, что перевозят, а в какой адрес — мне все-равно. А вы — «обманщик»!.. И не жалко вам меня, Варвара Николаевна? Да я для вас... Где ваши вещи, Варвара Николаевна? — и доктор давай передвигать их в обратном направлении. — Варвара Николаевна, помогите! — серьезно воскликнул он.

Затем они вместе втащили чемодан и примус доктора (больше у него имущества не оказалось). В комнате доктор взял Варвару Николаевну под руку и говорит ей ласковым тоном:

— Хотите вместе со мной строить социализм?

— Хочу, — заявила Варвара Николаевна и спрянула свою голову на его богатерской груди.

Вот какие романы приключаются на пролетарской платформе!

Б. Давний

УВАГА, ГОВОРИТЬ КИЇВ!

В колгоспі „Вперед” кобила вдарила задом конюха Безсмертного і той помер. Голова колгоспу був викликаний до секретаря райкому.

— Підчас похорону, — сказав секретар, — ти мусиш виступити з промовою і пов'язати загибель конюха з виробничими завданнями. Промова повинна бути бадьорою, оптимістичною!

Голова довго думав над складним завданням. Наступного дня він почав свій виступ так:

— Товариші! Наш дорогий друг не вмер...

— Звичайно, не вмер, — пролунало з натовпу, — його кобила задки вбила...

— Правильно! — підхопив голова. — А чому вона його вбила? Бо у нас механізація сільського господарства на низькому рівні. Коли б у нас геть усе було механізоване, то Безсмертний жив би й досі. Адже, трактори задом не б'ють!

Геніяльний поет, він-же і академік і герой, Павло Тичина, створив епохальний твір. В цьому творі поет змальовує свою зустріч з... сколопендрою. Для читачів, які не мали до діла зі сколопендрами, пояснюємо: сколопендра — це тварючка, подібна до нашої тисячоніжки. Зустрівшись з сколопендрою, Тичина дуже розчулився і звернувся до неї з такими віршами:

Ти-ж моє хороше!
Ріжки на носу...

Рисунки
ТИТА

ПРИТИЧИНА З ТИЧИНОЮ

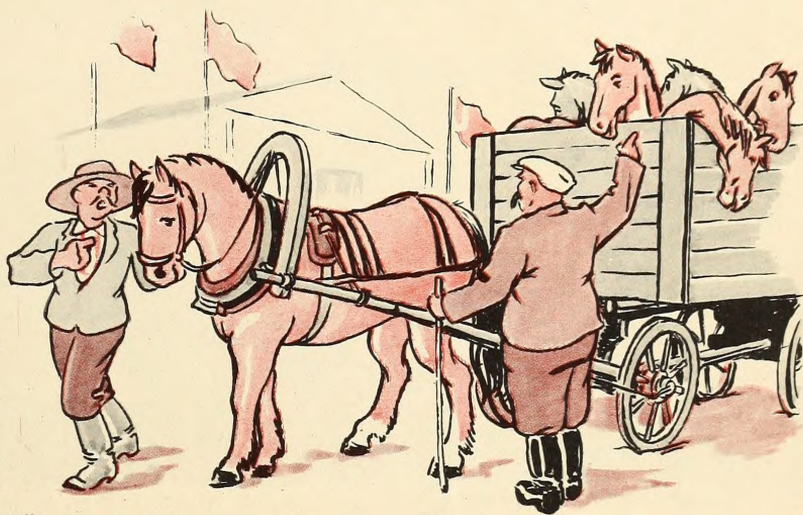
Може, борщику ти хочеш?
Зараз принесу.

Ми не знаємо, чи прийняла сколопендра пропозицію поета, чи, може, побоюючись обвинувачень у буржуазному націоналізмі, відхилила борщик і зажадала котлету де-воляй.

Та нас цікавить інше. Невже поет не знайшов приємнішого об'єкту? Адже, сколопендра дуже огидна на вигляд. Очевидно, в порівнянні з оточенням Тичини (ЦК КПУ) і сколопендра — миле створіння!

— Повторюю ще раз! Цього року треба писати: імперіалізм.

— Це наш рекордсмен «Зв'язаний». Як бачите, без напруги везе з півдесятька звичайних колгоспних коней!

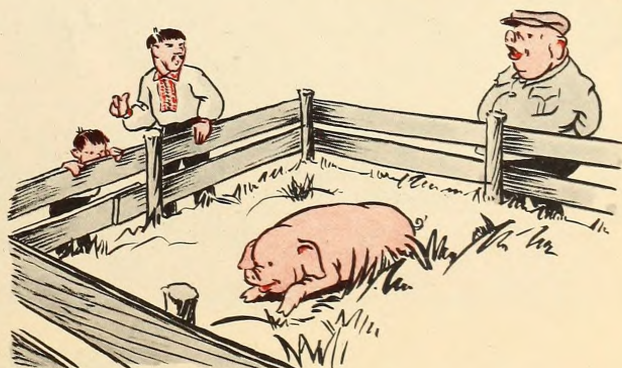

— Товаришу управдом! Підлатайте дах, коти на голову провалюються.

— Я тут не для того, щоби турбуватися про котів.

— Чого це вони горобця потягли!
— Заарештували за розкрадання державної власности. Тепер йому, мабуть, років з 20 припаяють...

— Оце так свиня! Завбільшки з нашого парторга!
— Ні, Грицю. Другої такої свини, як наш парторг, в колгоспі немає.

В последнее время весьма участились выходы из итальянской коммунистической партии.

Дежурное блюдо

НЕЗДОРОВАЯ ПОЛНОТА

ПОСЛЕДНЯЯ СЕРЕНАДА

Губ, Компартия, не дуйте —
Наступил разлуки час!
Карла Маркса поцелуйте
За меня в последний раз.

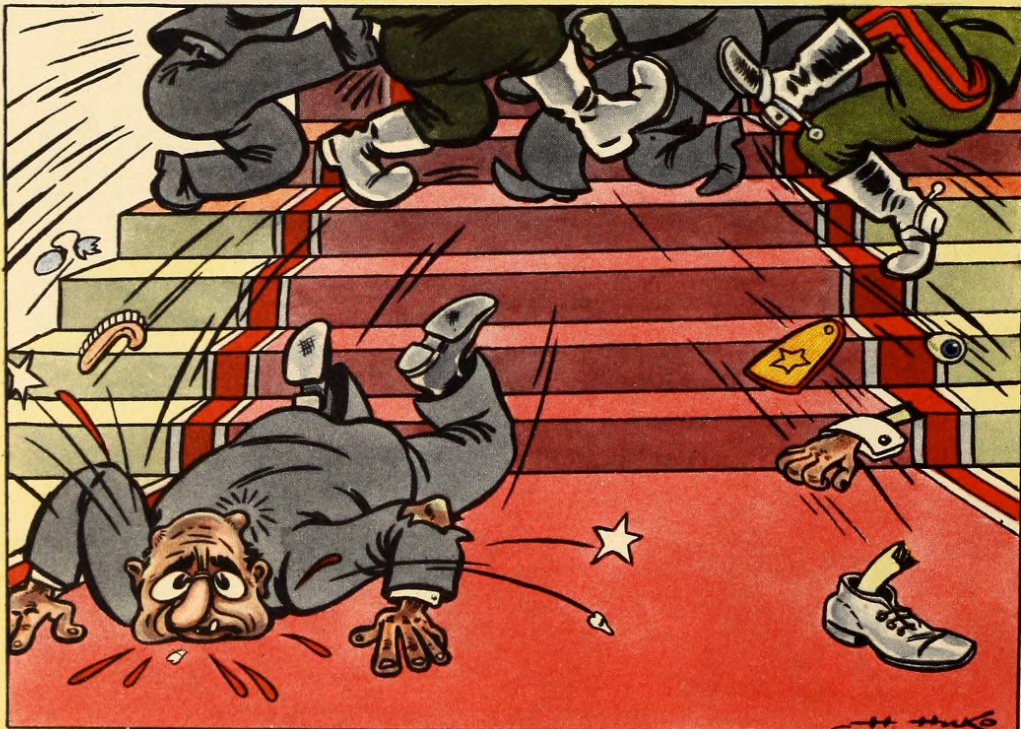
Надоели мне партчистки
И молебны Ильичу.
Я в руках у шантажистки
Оставаться не хочу.

Вот, прошу сеньора, нате —
Возвращаю партбилет.
Передать прошу Тольятти
Самый искренний привет!

— И, все-таки, воротник еще тесен!

Рисунки НИКО и Г. ОБУХА

НА ПАРТИЙНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

О нашуемой «всеобщей амнистии в СССР» больше ничего не слышно. Фактически выпустили на свободу только некоторое количество уголовных.

Винегрет а ля Политбюро.

МАНУФАКТУРУ ПРИВЕЗЛИ

Чувствуя шаткость своего положения, правительство Маленкова пытается задобрить население, изредка «подбрасывая» ему мануфактуру и другой «ширпотреб».

— Черт возьми, Берлин взяли, Бухарест взяли, а мадапалама взять не можем!

Советский спортсмен Юрий Литувев установил новый мировой рекорд, пробежав 400 м. с препятствиями за 50,4 сек.

— Что-ж ты, Юрий, установил рекорд — и нос повесил?
 — Ясно, что повесил. Раньше вышел бы на трибуну и сказал: «Спасибо гениальному Сталину, благодаря которому я установил рекорд».
 А теперь что я скажу? Благодаря кому я установил рекорд — благодаря Маленкову, Молотову, или Булганину?

← Своя своих познаша

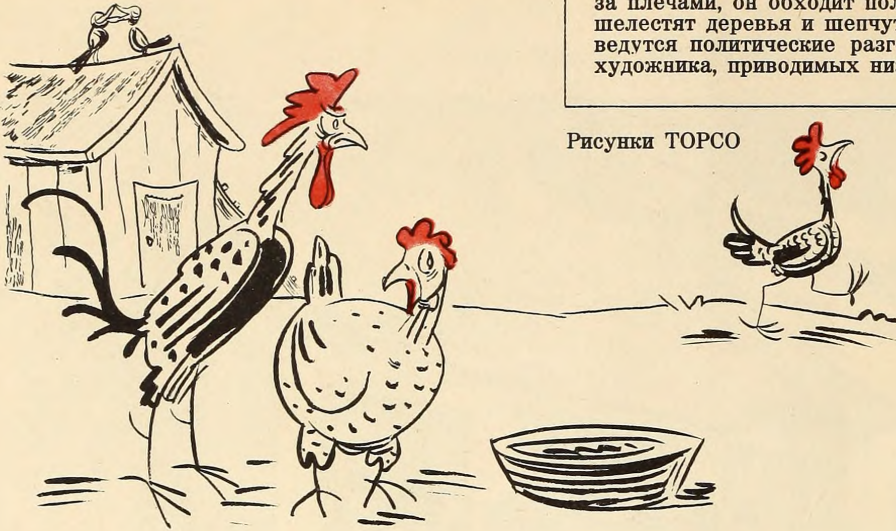

— Плохое предзнаменование! Один только серп — молота нет...

ИЗ БЛОКНОТА НАТУРАЛИСТА

Наш художник ТОРСО большой любитель природы. Часто, с ружьем за плечами, он обходит поля и леса, прислушиваясь к тому, о чем шелестят деревья и шепчутся животные. К сожалению, и здесь уже ведутся политические разговоры, как видно из последних заметок художника, приводимых ниже...

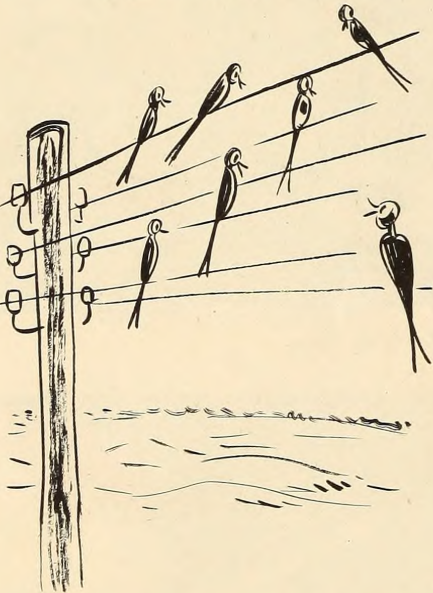
Рисунки ТОРСО

— Она не хочет больше класть яиц, Говорит, что является жертвой капиталистической эксплуатации.

— Вы переходите в зимнюю спячку? Как я вам завидую! Полгода без политических новостей!

— К сожалению, я не лечу с вами. Мне отказали во влётной визе.

— Теперь мы можем, наконец, спокойно договориться о мирном сосуществовании.

— Я остаюсь здесь! Этот дурацкий коллективизм осточертел даже мне!

— Все время толкуют о разоружении, но на деле что-то его не видно.

Разговор с ГРАФОМ

Рисунок ТИТА

В этом строительном сезоне кирпич был так плох, что нередко рассыпался в руках (из советской прессы).

Плохое качество кирпича...

ИЗ ПИСЬМА ОДНОГО
ЧИТАТЕЛЯ:

„...по крайней мере у нас, в странах латинской Америки, наблюдается странный факт. То ли под влиянием местных аристократических традиций, (почти все здесь либо „кабаллеросы“, либо „доны“), то ли по другой причине, но только некоторые наши соотечественники (притом, далеко не из лучших) стали присваивать себе докторские степени, княжеские и графские титулы и даже придворные звания (!). Нам это совсем не к лицу. Правда, это только отдельные случаи (хотя далеко не единичные). Тем не менее, такое явление надо бичевать...“

Что ж, бичевать, так бичевать.

Это было в Мехико-Сити. Как и полагается, я встретился с ним в салоне. Вокруг мелькали женские фигуры в белом. Из-за полуотворенной двери виднелись очаровательные завитые головки, шептавшиеся о чем-то. Пахло духами. Слышался голос какого-то старого аристократа, видимо, пресыщенного светскими удовольствиями и решившего подумать о спасении души:

— Я хочу постричься...

Словом, дело происходило в салоне для стрижки и бритья.

По другую сторону столика, заваленного епархиальными ведомостями святых отцов Василиан, сидел мужчина с вытатуированной голой русалкой и подписью „Надя“. Это навело меня на мысль, что в лице моего визави я имею дело с соотечественником.

— Вы русский? — спросил я, желая завести разговор.

— Русский. То-есть вместе с тем и украинец, — поторопился он добавить.

— Из каких мест? — любопытно спросил я. Мне почему-то казалось, что мой новый знакомый происходит оттуда же откуда и я — из Бершади.

— Из этого, как его... есть такой город в Сербии...

— Белград? — сказал я наобум, ибо это был единственный город, относительно которого я был вполне уверен, что он находится именно в Сербии.

— Во-во, — радостно ответил мой собеседник, и чувство облегчения явно проступило на его физиономии.

— Значит, старый эмигрант?

— Совершенно старый. Так сказать с детства. А фамилия моя, — здесь мой знакомец несколько повысил голос, — фамилия — граф Жеребцов!

Доселе мне мало приходилось сталкиваться с настоящими графами. Жизнь моя сложилась так, что я чаще встречался среди графоманов. Поэтому я с неприятным интересом взглянул на графа Жеребцова. После почтительной паузы я спросил:

— Рюрикович?

— А? Нет, Сидор Романович.

Моя почтительность обратилась в бла-

говение. Предо мною, очевидно, сидел отпрыск дома Романовых. И в лице его было какое-то фамильное сходство — он чем-то напоминал двуглавого орла. В этот момент сади послышалось хрипкое откашливание.

— Что, Сеня, мутит? — обратился граф Жеребцов к сидевшему возле вешалки плотному молодцу, незамеченному мною ранее.

— Отрыжка, — лаконически ответил тот.

— Тоже граф? — осведомился я подобоострастно.

— В общем и целом, да, — сказал Жеребцов, — Но с уклоном.

— А именно?

— Выражается.

— Ничего я не выражаю лишнего, — хрипло загудел второй граф, — а просто были мы в одном важном доме.

А там одна девчуха пела и мне очень ее пение понравилось. Голос на ять — клавиатурное сопрано. Консерваторию кончила. Вот я ей и сказал: Ах, ты, консерв! И ничего тут такого нет. Мой батько еще не так выражался.

— Так сказать фамильные традиции, — дипломатически заметил я.

— В точку! А так у меня все в по-

... имеет свою хорошую сторону.

рядке. И графские документы имеются. И даже гинекологическое дерево есть!

На этом я распрощался с обоими графами, т. к. подошла моя очередь бриться. С графом Жеребцовым мне довелось столкнуться еще раз на набережной в Рио де Жанейро. Он имел мрачный вид и второго графа с ним не было.

— А где же ваш аристократический друг? — поспешил я осведомиться после первых приветствий.

На лице графа залегла трагическая складка.

— Залободали — ответил он коротко.

В моем воображении возник образ могучего Сени, которого щекочут листьями лободы. Но выяснилось, что это была совсем не щекочка.

Оказалось, что граф Сеня кратковременно заключен в тюрьму за попытку раздеться на танцевальном вечере.

— Я говорю: Сеня не делай этого, не нужно, — а он скинул сперва сморкинг, а потом все чисто на свете — сокрушался граф Жеребцов.

С тех пор я его больше не видел. Мои связи в аристократическом мире оборвались.

Ирк

Рисунок ЕЖА

— Дайте визу за границу!

— Дайте визу за границу!

САМОЕ НЕВЕРОЯТНОЕ

Этим летом в Сочи у нас составила компания из четырех человек: плановик Холостов, невропатолог Викентий Васильевич, летчик Ромашко и я.

Чуждаясь многолюдного общества, мы удалялись в широкошумные дубравы, или на дикий брег морской и там предавались воспоминаниям о различных необыкновенных происшествиях, случившихся с нами в жизни.

При этом мы медленно, но верно приближались к пресловутым „геркулесовым столпам“. Рассказы становились все более увлекательными и все менее вероятными. С трепетом душевным ожидал я момента, когда раздадутся, наконец, громкие протесты слушателей. И этот момент наступил.

На этот раз заговорил доктор.

— Надо вам сказать, товарищи, — начал он, не спеша раскурив папиросу, — что я опытный и страстный охотник. Ну, так вот, незадолго до войны отправился я поохотиться на волков. Однако, день выдался неудачный. Волки как сквозь землю провалились. От скуки я стал стрелять по зайцам, которые кишмя кишели вокруг. Но легко ли попасть пулей в зайца? Расстреляв понапрасну все патроны, кроме одного, оставленного на всякий случай, усталый и раздосадованный, возвращался я вечером домой. И тут вдруг передо мною мелькнули четыре огненные точки. Это были два громадных, матерых волка. Вскинув винтовку, я уложил правого волка, и, воспользовавшись нервным шоком второго, быстро вскарабкался на высоченную сосну. Мой выстрел привлек внимание других волков. Вид убитого соро-

дича вызвал среди них законное негодование. Многотысячной стаяй обложили они мое дерево. Я просидел на сосне три дня. На четвертый мои руки, которыми я обнимал сосновый ствол, разжались сами собой, и я стремглав полетел вниз...

— И... убежали от волков? — подсказал плановик Холостов.

— Какое там! — горько улыбнулся доктор. — От них убежишь! Разорвали в клочки...

Воцарилось молчание.

Внезапно летчик вскочил на ноги и сердито заговорил:

— Ну, доктор, это уж вы хватили через край! Конечно, существует правило: „не хочешь, не слушай, а врать не мешай!“ Мы его и придерживались. Но есть и другая пословица: „ври, да знай меру!“

— Почему это? — обиделся Викентий Васильевич. — Я же не возражал против других рассказчиков. Что же касается волков, то, будучи хищными животными...

— Причем тут волки? — удивился Ромашко. — Волки что? Разрывают других людей, могли разорвать и вас. Будучи хищными животными. Ничего тут особенного нет. А, вот, вы лучше нам объясните, как это вы, будучи рядовым, беспартийным охотником, получили разрешение на винтовку? А? И где это вы патрончики покупали для нарезного оружия? Уж не в охотничьем ли кооперативе? Да если-б вы стали разгуливать по лесам с винтовкой, не пара матерых волков вышла б к вам навстречу, а пара матерых эмгебистов! И сидели б вы не здесь, на берегу этого моря, а на берегу совсем другого. Приврать можно, но в вашем рассказе нет этого, — как оно называется? — художественной правды нет! Вот что!

Доктор молча курил. Ему было стыдно за свой художественный промах.

Кай

НАШ ПРОЕКТ...

Журнал «Большевик» утверждает: «... чем выше фундамент марксизма-ленинизма, тем успешнее работа, тем меньше краж...»

Рисунок Г. ОБУХА

... применения идеологического фундамента.

**ФАЛЬШИВАЯ
ПОДПИСЬ**

**Небывалые приключения
бесстрашного кашевара
Егора Егорыча Баланды**

Рисунки
и текст
Николая
ОЛИНА
Все права
сохранены
за автором

Тактический де-воляй или бревна под особым соусом

3. Рассказ о том, как вдохновенный повар-стратег скомбинировал соблазнительную закуску, очень дорого обошедшую коммунистам.

Директор совхоза „Советский Скот“ Толстоухов нервно подтянул брюки, подошел к окну и еще раз посмотрел на дорогу. И вдруг его опытный глаз заметил на горизонте маленькую черную точку и облако пыли. „Наконец-то“, — вздохнул директор.

Линейка подъехала к конторе. С нее неуклюже сполз главбух и, не говоря ни слова, переваливаясь с ноги на ногу, как селезень, пошел в контору.

— Где это тебя нечистая сила носила? — набросился на него директор. — Привез деньги?

Главбух покраснел, как рак, заморгал глазами и кое-как вымолвил:

— Не привез... Не дали нам денег...

— То есть, как не дали?

— Очень просто... так и не дали. В банке сказали, подпись директора не настоящая. А посему и чек недействительный...

— Как не настоящая?! — удивился директор, опершись о стол, чтобы не упасть. — Они, что там, оупели? Я ведь сам подписывал!

— Не знаю. Я им тоже говорил, что вы сами подписывали. Не верят. Сверялись с образцом подписи, которую вы в банке давали, не сходится, говорят. Я им говорю: бросьте, товарищи, волынить. А они на мои слова ноль внимания. В милицию хотели меня послать для проверки персональностей. Что ты с ними сделаешь? Им хоть плюй в глаза, а они тебе...

— Чудеса на Божьем свете! Забавно, честное слово, забавно. Ладно. Прикажи, чтоб свежих лошадей подали. Да побыстрей. Пошевеливайтесь!

Линейка помчалась в город.

— Я им там в банке покажу! — грозил директор, обращаясь к главбуху. — Они у меня на задних лапках ходить будут! Я в горком партии пойду! Ишь, что затеяли? Это, брат, контрреволюцией пахнет. Они искусственно среди народа недовольствие насаждают. Я их выведу на чистую воду!

Два часа спустя директор, как разъяренный бык, ворвался в помещение банка.

— Почему не даете денег?

— Подпись фальшивая.

— Да вы что, смеетесь? Я директор. И чек я подписал!

Сотрудник банка посмотрел еще раз на образец, затем на подпись.

— Сожалею... Не та подпись...

— Ах! Не та? Ладно! Держитесь! Я сейчас в горком партии побегу. Я вам покажу на чем орехи растут!

Толстоухов хлопнул дверями и выбежал на улицу. Главбух за ним. Проходя мимо ресторана, директор остановился и глубоко задумался...

— Ты, — обратился к главбуху. — А они там в банке, пожалуй, правы... Я образец подписи под мухой дал, а чек подписывал трезвым. Поэтому, вероятно, и не сходятся! А ну, пошли.

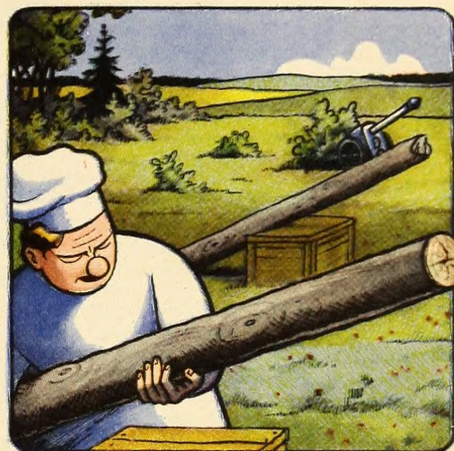
Директор забежал в ресторан, не закусывая дернул одним махом поллитра и тут же подписал новый чек.

Через десять минут главбух вернулся с деньгами. Подпись была настоящая.

В. Суров

*Разведчик вражеский летит,
Что б снять с позиций общий вид.
Егорыч думает: „Ага!
Есть случай обмануть врага“.*

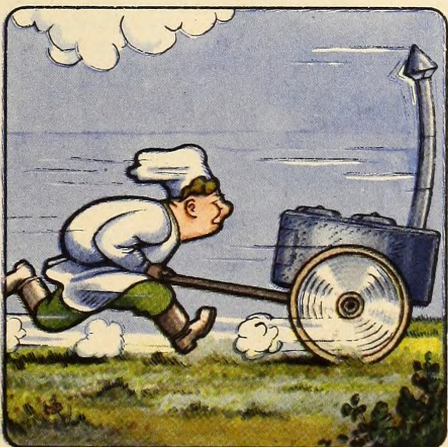
*Не надо Эдиссоном быть,
Что б кухню в пушку превратить.
А коль под боком два бревна, —
И батарея вся сполна.*

*Как будто бы, делаю конек.
Но дальше трудится хитрец:
— Такие три (весь фокус в том)
Сам Бог велит прикрыть кустом.*

*Пилот, как коршун, смотрит вниз
И видит радостный сюрприз.
Он тоже хват, он — не дурак,
Но тут и он попал впросак.*

*Вот самолет вдали исчез.
Егорыч с кухней мчится в лес.
Пора позицию сменить,
Что б зря мишенью не служить.*

*Палят по бревнам, — прямо жуть!
Ужасный шум, а толку — чуть...
Мораль ясна без лишних слов:
Умей „на пушку“ брать врагов.*

Беседа о горизонтах

проведенная зоотехником Егором Петровичем ИДЕЙНЫМ
в колхозе «Красный Хомут»

Не знаю, как вы, товарищи, а я так очень большой подъем чувствую. Пробудились во мне, говоря словами доклада родного товарища Хрущева, «чувство профессиональной гордости, дух творческого искания, дух неукротимого преобразователя земледелия и животноводства».

А почему?

Да от величественных перспектив на моем зоотехническом фронте! Знаете, что в газете «Сельское хозяйство» один агитатор нам недавно пообещал?

Да он сказал буквально:

«В будущем году, я считаю, в нашей артели уже не будет ни одного безкоровного колхозника. Не только коровы, но и свиньи, овцы, куры будут теперь на каждом дворе».

Не передать словами грандиозного подъема, охватившего меня от таких бессмертных слов. Вы себе представляете — куры! На каждом дворе будут куры! Ей-Богу, воображения не хватает: куры на каждом дворе! Я спрашиваю, бывали когда-нибудь в прежней России куры? Могли бы при царском режиме быть, скажем, овцы, свиньи? Есть они в империалистических странах? Или вы думаете, что куры, или даже коровы возможны в условиях капиталистического хозяйства?!.. Ну, а при советской власти они, оказывается, возможны. Не в этом году, так в будущем. То есть, едва ли в будущем — нельзя требовать, чтобы всего лишь на тридцать седьмом году советской власти уже были куры, или, хотя бы, овцы. Но важно, что в принципе они возможны. А если через три-четыре года, скажем, куры, овцы и даже, может, коровы и свиньи в личных хозяйствах колхозников появятся — то что же через десять лет будет?! Я так думаю, страусов будем держать, единорогов, жирафов!

Тоже и на агрономическом фронте — какие горизонты раз-вертываются! Сказка, полет фантазии! Через какой-нибудь десяток лет — что будет, как вы думаете? Картошка! Да, буквально картошка! И пора. Товарищ Хрущев правильно отмечает: народ страшно богатее, потребности бурно растут: из-баловались, одним хлебушком не довольствуются, а подавай им картошки, морковки, прочих разных деликатесов: брюквы! Репы!

Партия идет навстречу, учит уму-разуму, разъясняет нам, набогадливый, что, если хотим картошку кушать, так надо ее, значит, сажать, потому что, ежели ее не посадить, так сама она, оказывается, ни за что не вырастет. А нам и невдомек было. Пятьдесят тысяч агитаторов в одной только Латвийской ССР это дело колхозникам разъясняют, просвещают несознательный элемент. А вы говорите! Я закруглился, товарищи.

Рисунок В. А.

НАШИ ЗА ОКЕАНОМ

— Довольны вы своей работой, Евдокия Харитоновна?
— Конечно! Во-первых, платят хорошо, во-вторых, я всегда мечтала работать на сцене!

КОКОСЫ И ШТАТЕНЛОСЫ

Шуточные частушки

Альфа

Рисунок АРТА

Где нас, братцы, только нет?
Утверждать позволю-с:
Мы усеяли весь свет
(В том числе и полюс).

Инженер, мой друг, лет пять
Как на Танганайке.
Негров учит он играть
Там на балалайке.

И в далеком Сомали
Мы совсем, как дома:
Нынче выбран в короли
Бывший член райкома.

Нум у негуса живет,
Хайля Селасье.
Наждый день его стрижет
(Без его согласия).

В Аргентине сам Перон
К нам приветлив очень
(Выпивает часто он
С нами, между прочим).

В Конго — завтрак налицо
Без плиты и газа:
Снесла курочка яйцо —
И вкрутую сразу!

Ну, а сбросим власть в Кремле, —
Так сумеем, братцы,
По воде и по земле
До дому добраться!

можно получать по
нижеуказанным адресам:

Argentina:

“Peremoha”, 25 de Mayo 479/(26), Buenos Aires.
V. Werbitzkij, “Kiosko”, Zamudio 5541 Buenos Aires.
D. Konstantinov, „Novoie Slovo“ („Nueva Palabra“); Casilla de Correo 2585, Buenos Aires.

Australia:

Mr. I. Wedrow, Russian Book Post 3 Vernon st. Strathfield, N.S.W.
E. A. Napalkoff, Room 31; 3, King's Cross Road, King's Cross — N.S.W.
B. Jatzenko, 143, Lintonstreet, Kangaroo Point Brisbane
Mrs. Z. Iljinsky, 480 Hay Str. Perth West Australia
O. Perekrestov, 193, Beaconsfield PDE, Middle Park, Melbourne, Victoria

Belgique:

Librairie Slave, 13 rue Roumanie, Bruxelles.
V. D. Gempel, 326 rue Saint Gilles, Liège.
L. Maslenko, 24 Place des Franchises, Liège.
G. Kartachoff, 81 rue du Preay, Thier-a-Liege.

Brazil:

Sen. L. Rubanov, Caixa Postal 8403 Sao Paulo. Продажа и подписка: „mag. „Книга“, Rua Sao Bento 217, Sala 124

Chile:

Sen. N. Rogalev, Allende Padin 2128, (por Beaucheff altura 1705) Santiago de Chile

France:

“Le Semis”, 6 rue de Bizerte, Paris (17 “La Renaissance”, 73 Ave. des Champs Elysees, Paris (8).

Great Britain:

Russian Book Shop V.V. Baratchevsky, 26 Tottenham street, London W 1
A. Golovsko, 84 Little Horton Lane Bradford, Yorks.

Greece:

George Mazarakis & Co., 9 Patissson Street, Athens.

Iran:

Librairie L., A. Popoff, 273 Ave Ferdowsi, Teheran.

Maroc:

A. Zvikevitch, Boite Postale, Ain-Sabaa, Casablanca.
M. Kouzmenko, Cite Bournazel, Casablanca.

Norge:

F. Tarakanoff, Krusesgt. 5-b, Oslo

Osterreich:

A. Kolomojzew, Salzburg, Lager Parsch, 2/10.

Sverige:

Bokhandel “Elita”, Dalarö.

Turquie:

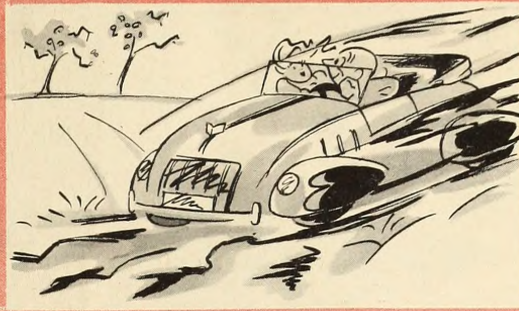
Nadir Bek, Karaköy Palas, 3 Kat. No. 14, Galata, Istanbul. Позн. продажа Istanbul, Galata Saray. (против английского посольства).

Venezuela:

Alexei Kandaurov, San Lorenzo a San Antonio 20, Parroquia San Jose; Caracas.

При заказе отдельных номеров журнала непосредственно в издательстве — прилагать два международных почтовых купона за экземпляр.

По морям,
по волнам...

Рисунки В. МЕЛЬНИКОВА и Г. ОБУХА

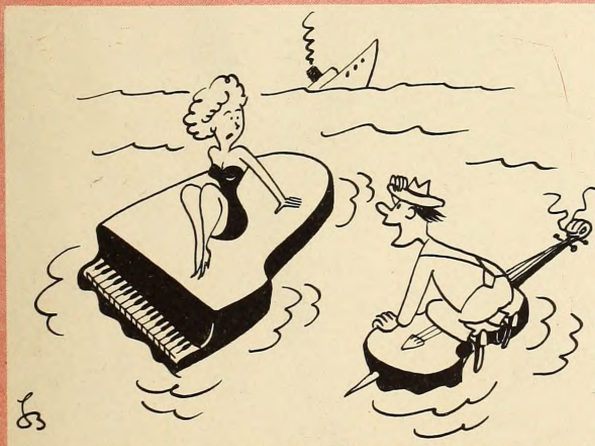
— Это как же понимать, Петр Иванович?
Гуляш для ди-пи, или ди-пи для гуляша?

— Вот видишь, Кузя, мы уже и собственную машину приобрели! Небось, в Советском Союзе не очень-то на автомобилях раскатывал!

— Почему не очень? Два раза в «Черном вороне» и раз в карете «Скорой помощи».

— Знаете, Семен Семенович, мы, кажется, ошиблись, считая этот остров необитаемым...

— Вы русская? Тоже на концертном турне?

— Часто ли тонут такие пароходы, капитан?
— Нет, большей частью один раз.

В разработке тем и материалов для номера принимали участие: С. Белоусов, Ю. Большухин, Ирина Бушман, С. Волк, Д. Гантимуров, С. Гольбов, Борис Давний, О. Кромнади, Н. Полежаев, В. Сувор, Е. Тверской и А. Цуриков.

Журнал является членом Союза Свободной Прессы Центральной и Восточной Европы, Балтики и Балкан

Издатель: Ф. ТАРАСОВ

Главный редактор: И. ИРКЛЕЕВ

Всю корреспонденцию направлять по адресу: „SATIRIKON“ e. V., MÜNCHEN 2, GAIGLSTRASSE 25, GERMANY.

За печать отвечает „SATIRIKON“ e. V.

Ищите

ПРАВДА-У!

Рисунок ЕЖА

... подымает дух в войсках

... занимательна для юношества

... незаменима в трудных случаях жизни!

... действует зажигательно

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Отправляясь за «железный занавес», мы, прежде всего, пытаемся расположить тамошнюю прессу в свою пользу. С этой целью мы поместили выше (совершенно бесплатно!) объявление о газете «Правда». Мы слышали, что у читателей сильно упал интерес к газете. Надеемся, что наше объявление поможет ей встать на ноги. Реклама делает чудеса!

ИТАК, ДО НОВОГО СВИДАНИЯ В НОВОМ «САТИРИКОНЕ»!